

«Из прошлого»

Мемуары Вл. И. Немировича-Данченко

Выпускаемые издательством «Асадемия» воспоминания народного артиста СССР Вл. И. Немировича-Данченко несомненно принадлежат к числу интереснейших книг о революционном прошлом русского театра.

Написанные блестящим знатоком русской театральной культуры, пытливым наблюдателем литературных и артистических нравов, мемуары Вл. И. Немировича-Данченко красочно раскрывают перед современным читателем картину жизни петербургских и московских театров (конца XIX — начала XX столетий), знакомят его с историей возникновения и творческим ростом Московского Художественного театра.

Начальные главы книги посвящены описанию первых литературных успехов автора мемуаров.

Однако, повествуя о своем дебюте на драматургическом поприще, Немирович-Данченко не замыкается, как это часто делают мемуаристы, в кругу личных переживаний, а подробно освещает общественную жизнь того времени, театральные порядки и быт, рассказывает о той роли, которую играли в театре в 80—90-х гг. артисты и драматурги.

✱

Ярко и увлекательно рассказывает автор о своих встречах с А. П. Чеховым, А. М. Горьким, Л. Н. Толстым, А. И. Сумбатовым-Южиным, А. П. Ленским и другими крупными писателями и театральными деятелями России и Запада.

Особенно большое место уделено в воспоминаниях А. П. Чехову, с которым автора книги связывала долгая и крепкая дружба.

«...Длинные объяснений, долгих споров Чехов не любил. Это была какая-то особенная черта. Слушал внимательно, часто из любезности, но часто и с интересом. Сам же молчал, молчал до тех пор, пока не находил определения своей мысли, короткого, меткого и исчерпывающего. Скажет, улыбнется своей широкой летучей улыбкой и опять замолчит».

В общении был любезен, без малейшей слащавости, прост, я сказал бы: внутренне изыскан. Но и с холодком. Например, встречаясь и пожимая вам руку, произносил «как поживаете» мимоходом, не дожидаясь ответа».

Характеристика Чехова сделана автором с большим тактом и литературным мастерством.

Вот он с умной иронической «чеховской» усмешкой говорит о писателе Гнедиче: «Это же настоящий писатель. Он не может не писать. В какие условия его ни поставь, он будет писать — повесть, рассказ, комедию, собрание анекдотов. Он женился на богатой, у него нет нужды в заработке, а он пишет еще больше. Когда нет темы сочинять, он переводит».

Обстоятельно говорит Вл. И. Немирович-Данченко о драматургической деятельности Чехова. В книге излагается спор Чехова с Сумбатовым-Южиным, ярко характеризующий взгляд писателя на театр.

«Перед «Губернаторской ревизией» была у меня другая повесть, «Мертвая ткань», которая нравилась Сумбатову. Вот они и заспорили, которая лучше. Спор перешел на общую почву и ярко вскрыл два художественных направления. Южин любил даже в романе образы яркие и сценичные. Чехов любил даже в пьесе образы простые и жизненные. Южин любил исключительное. Чехов — обыкновенное. Южин — грузин, прекрасный сын своей нации, темперамента пылкого, родственного испанскому, любил эффекты открытые, сверкающие; Чехов, чистейший великоросс, — глубокую зарытость страстей, сдержанность».

А самое важное в этом споре: искусство Южина звенит и сверкает так, что вы за ним не видите жизни, а у Чехова за жизнью, как он ее рисует, вы не видите искусства».

Чехов спорит на этот раз наперед: долго. Обыкновенно он высказывает свое мнение, а потом, если его продолжают убеждать, он только молча кивнет головой: нет, мол, ос-

таюсь при своем. А тут не переставал искать новые и новые аргументы».

Право, это спорили Малый театр с каким-то новым, будущим, еще даже не зародившимся. С той разницей, что Художественный сразу возьмет боевой тон, а Чехов спорил мягко, со своей вспыхивающей улыбкой; расхаживал по кабинету крупными шагами, заложив руки в карманы; не как «боец», без азарта».

Скоро писатель Тригорин в «Чайке» скажет:

«Зачем толкаться? Всем места хватит».

И я, и Сумбатов постоянно уговаривали Чехова не бросать писать для театра. Он нас послушался и написал «Чайку».

✱

Специальная глава в книге Вл. И. Немировича-Данченко названа «Горьковское в Художественном театре». В ней Немирович-Данченко рассказывает о своих беседах с великим писателем, о горьковских постановках.

Любопытна история первых представлений первой пьесы Горького «Мещане» *). Незадолго до премьеры «Мещан» произошел известный инцидент с избранием А. М. Горького почетным членом Академии наук и с отменой этого избрания.

«Мещан» театр показывал в Петербурге. На представлении пьесы правительство, не без основания, ожидало демонстраций, враждебных президенту Академии наук великому князю Константину Романову. «И, как полагается в таких случаях, выход был найден простой: запретить пьесу».

Мы начали хлопотать. Мне была устроена аудиенция у товарища министра кн. Святополк-Мирского, прославившегося либеральными проектами. Мне удалось убедить. Пьеса была разрешена условно — только для абонентов.

Художественный театр имел в Петербурге успех чрезвычайно широкий. Им увлекались все слои населения, каким театр был доступен, — и придворные с царской фамилией, и светские круги, и вся огромная интеллигенция, и вся передовая мо-

* Премьера «Мещане» состоялась 35 лет назад — 8 апреля (н. ст.) 1902 г.

лодежь. Последняя особенно считала Художественный театр своим. Мы играли в первые годы в частном театре, приспособленном для оперных представлений, в котором в верхних ярусах было очень много мест плохих, из которых слышно, но не видно; эти места мы не продавали; однако они заполнялись в огромном количестве «зайцами», т. е. безбилетниками. Этих «зайцев» бывало до пятисот человек. Мы это знали и смотрели сквозь пальцы, так как это все была студенческая молодежь».

«...Несколько вечеров перед «Мещанами» я ходил к ним наверх просить не устраивать никаких демонстраций. Нам этот спектакль нужен, чтоб Горький писал для театра, — убеждал я, — а беспорядки вызовут репрессии, и мы потеряем такого автора».

Молодежь обещала и свое обещание выполнила. Только в последний спектакль «Мещан» кто-то, уж на прощанье, не мог сдержаться и как бы для собственного удовлетворения пробасил на весь театр только один раз: «Долой великого князя».

✱

Не ускользнула от внимания автора мемуаров и крепкая, неразрывная связь Горького с народом, большая любовь писателя ко всему яркому, талантливому, материнская забота о людях.

«...Врезалось в память у меня одно посещение. На вид, вроде Сатины из «На дне», плотный, живописный; вчера еще форменный босяк, сегодня чуть-чуть приодетый, с отличным, выразительным лицом, прекрасным голосом. Когда он ушел, Горький сказал:

— По-моему, из него вышел бы хороший актер».

— А сейчас он что? — спросил я. — Сейчас живет чем попало. Если встретит вас в глухом переулке, потребует полтинник и скажет: «Дайте скорее, а то сам возьму больше...».

Я потому запомнил его, что из него, действительно, стал превосходный актер».

✱

Много интересных фактов сообщает Немирович-Данченко в главе, посвященной Льву Николаевичу Толстому: «Однажды в контору редакции журнала «Русская мысль» какой-то старик в тулупе и меховой шапке принес рукопись. Секретарь принял: это был рассказ крестьянина Семенова».

Секретарь сказал, чтоб старик зашел за ответом недели через две. Аккуратно через две недели старик пришел. Секретарь попросил его подождать, кивнув на ясеневый диван, и сам пошел в кабинет редактора. Там в это время шел очень оживленный разговор между двумя редакторами и издателем. Повод был либерально-зажигательный, так что пили красное вино. Секретарь доложил, что пришли за ответом о рассказе крестьянина Семенова. Беллетристика находилась в ведении Ремизова, высокого блондина, с большой раздвоенной бородой, в очках.

— Да, да. Я прочитал. Пусть подождет. Сейчас выйду.

Но оживленную беседу прервать было невозможно, и прошло много времени, часа полтора. Секретарь снова появился в дверях.

— Митрофан Нилевич! Там этот старичок дожидается.

— Да, да. Сейчас приду.

Однако прошло много времени, и секретарю пришлось докладывать в третий раз. Наконец, Ремизов отыскал рукопись и вышел в контору.

— Где этот старичок?

Старик в тулупе поднялся с ясеневых дивана. Ремизов двинулся к нему.

— Это вы — Семенов? Мы прочитали рассказ...

Ремизов поднял на старика глаза и не окончил, онемел: перед ним был сам Толстой! Это сам Лев Николаевич Толстой скромно сидел в углу в течение двух с лишним часов и ждал, когда редактор его примет. А ему очень хотелось добиться напечатания рассказа неизвестного никому крестьянина Семенова, очень хотелось порекомендовать произведение, которое он нашел талантливым и заслуживающим внимания.

Положение редактора было отчаянное. И в кабинет-то неловко было повести сразу, пока оттуда не убрали бутылки.

— Да нет, ничего. Я тут отдыхал, говорил Толстой, вероятно, скорбя за растерявшегося солидного литератора. А может быть, даже обвиняя себя...

✱

Книга Вл. И. Немировича-Данченко «Из прошлого» содержит не только описание конкретных событий, лиц, фактов.

В ней очень много ценных и глубоких замечаний автора о театральном искусстве, о роли актера и режиссера в театре

В. АНОВ